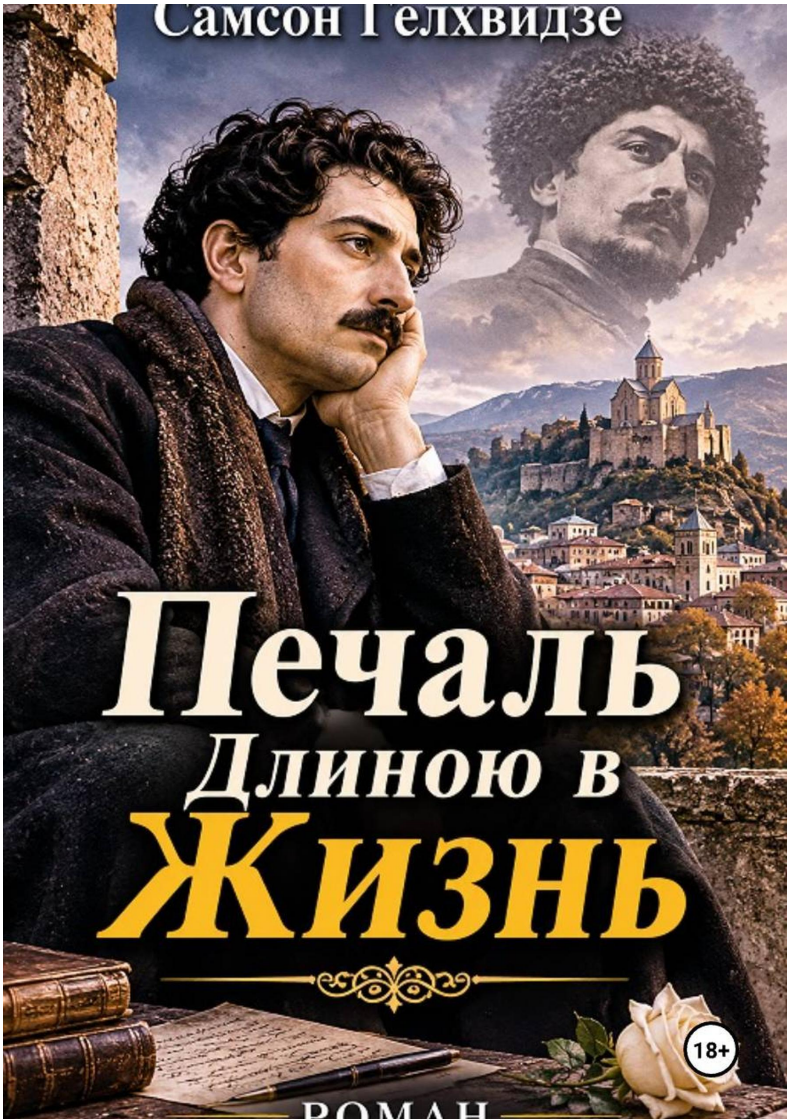

Самсон Гелхвидзе
Печаль
Длиною в
Жизнь
18+
РОМАН

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПЕЧАЛЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ - (роман)

https://litres.ru/74725953
SelfPub; 2026

Аннотация

«Печаль длиною в жизнь» — произведение о судьбе человека, для которого любовь к родине стала не просто чувством, а главным содержанием всей жизни.

В центре повествования — Давид Гурамишвили, выдающийся грузинский поэт XVIII века, чья судьба оказалась связана с драматическими событиями эпохи, войнами, пленом, изгнанием и долгими годами жизни вдали от родной земли.

Показаны важнейшие этапы жизненного пути героя: детство в Грузии, испытания юности, вынужденное расставание с родиной, военную службу, семейную жизнь в Миргороде и рождение бессмертного поэтического наследия — «Давитиани».

Ценность произведения заключается в стремлении показать не только историческую судьбу поэта, но и его внутренний мир. Раскрывается человек, который, несмотря на годы и расстояния, продолжал жить воспоминаниями о Грузии. Родина остаётся для него духовной опорой, а поэзия становится способом сохранить

связь с ней.Роман будет интересен читателям, увлечённым историей Грузии, русской и грузинской литературой.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПЕЧАЛЬ ДЛИНОЮ
В ЖИЗНЬ - (роман)

ПЕЧАЛЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Историко-биографический роман

ПРОЛОГ

Человек, которому снилась Грузия

В Миргороде осень наступала неторопливо. Сначала желтели листья на старых деревьях, потом холодные ветры начинали тревожить сад, а по утрам над рекой поднимался туман, похожий на тонкую белую ткань, наброшенную на землю чьей-то невидимой рукой.

В такие дни Давид Гурамишвили особенно остро чувствовал одиночество.

Он давно привык к украинским просторам, к размеренной жизни небольшого города, к людям, которые уже не спрашивали, откуда он родом, и почти не замечали в его речи непривычного для них грузинского произношения. За долгие годы здесь многое стало ему близким. Он знал соседей, помнил дорогу к церкви, различал голоса птиц в собственном саду. Земля, на которой он жил, больше не казалась совершенно чужой.

Но родиной она так и не стала.

Родина оставалась там, за далёкими горами, за дорогами, которые он когда-то покинул молодым человеком и к которым уже не мог вернуться прежним.

В тот вечер Давид сидел у окна. На столе лежала раскрытая рукопись. Рядом стояла небольшая чернильница, а возле неё — подсвечник, в котором догорала свеча. Старик время от времени наклонялся над бумагой, делал несколько записей, затем откладывал перо и долго смотрел в темноту за окном.

Ему было уже много лет. Руки, когда-то державшие оружие и поводья коня, теперь заметно дрожали. Лицо избороздили глубокие морщины, но глаза сохраняли ту особенную ясность, которая бывает у людей, слишком многое переживших и научившихся не обманывать самих себя.

Он перевернул страницу.

На ней стояло название — «Давитиани».

Давид провёл пальцами по написанным буквам.

— Вот и всё, — тихо произнёс он. — Сколько лет прошло, а всё ещё не могу закончить…

За дверью послышались шаги.

— Давиде Георгиевич, вы опять не спите?

В комнату заглянула Татьяна. Она уже знала эти поздние часы, когда муж забывал о времени и мог просидеть над рукописью до самого рассвета.

— Не спится, Таня.

— В комнате холодно. Я принесла вам ещё дров. Может быть, сегодня хватит писать?

Он улыбнулся.

— Ты каждый вечер говоришь мне одно и то же.

— Потому что каждый вечер вы обещаете лечь пораньше, а потом я нахожу вас здесь.

Татьяна подошла к печи, поправила поленья и повернулась к нему.

— Что вы сегодня пишете?

Давид посмотрел на рукопись.

— О том, что человек уносит с собой, когда у него отнимают почти всё.

— А что у него остаётся?

Он не сразу ответил.

— Память. Если Господь не отнимет и её.

Женщина подошла ближе и посмотрела на исписанные листы.

— Вы опять о Грузии?

— А о чём же ещё?

В её голосе не было ни ревности, ни упрёка. Она давно поняла, что в душе Давида существует пространство, куда никто не может войти до конца. Там жили горы, знакомые с детства дороги, старые церкви, голоса давно умерших людей и та страна, которую он пронёс через всю жизнь.

— Иногда мне кажется, — сказала Татьяна, — что вы разговариваете с ней чаще, чем со мной.

Давид поднял глаза.

— Не обижайся. Это не значит, что я тебя не слышу.

— Я не обижаюсь. Просто хочу знать, что вы чувствуете.

Он откинулся на спинку кресла.

— Представь себе человека, который однажды покинул свой дом. Сначала он думает, что уехал ненадолго. Потом надеется вернуться через год. Затем проходит десять лет, двадцать… И однажды понимает, что вся его прежняя жизнь осталась где-то далеко, за пределами досягаемости. Он может построить другой дом, завести сад, встретить хороших людей. Но каждое утро, просыпаясь, он всё равно слышит в душе голос той земли, где родился.

— И этот голос не умолкает?

— Никогда.

Татьяна осторожно коснулась его плеча.

— Тогда пишите. Может быть, ваши слова когда-нибудь услышат те, кто живёт там, куда вы так хотите вернуться.

Давид посмотрел на неё с благодарностью.

— Ради этого я и пишу.

Когда она вышла, он ещё долго сидел неподвижно. Потом взял перо и вывел несколько слов на чистом листе.

Ему хотелось рассказать не только о себе. Он хотел, чтобы потомки узнали, какой была его страна в те годы, когда над ней сгущались бедствия, когда князья спорили о власти, когда вчерашние союзники становились врагами, а простые люди платили за чужие распри собственными жизнями.

Он помнил лица. Помнил голоса. Помнил страх, который однажды поселился в сердцах людей и уже не хотел уходить.

И ещё он помнил самого себя — молодого Давида, который когда-то смотрел на родные горы и не подозревал, что однажды они станут для него недостижимой мечтой.

Старик закрыл глаза.

Перед ним возникла Грузия.

Не та, о которой рассказывали путешественники, и не та, которую изображали на картах. Перед ним появилась его собственная страна: с утренним светом над долинами, с шумом воды, с запахом земли после дождя, с виноградными лозами возле домов и голосами людей, которые были частью его жизни.

Он увидел старую Картли такой, какой запомнил её навсегда.

И тогда воспоминание, много лет хранившееся в глубине души, снова стало явью.

Давид открыл глаза, придвинул к себе рукопись и начал писать.

Его история начиналась не в Миргороде.

Она начиналась там, где он впервые понял, что значит быть сыном своей земли.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Под небом старой Картли

В те годы Картли жила тревожной жизнью.

Казалось, сама земля, веками привыкшая к нашествиям,

междоусобным распрям и смене властителей, уже не могла обещать своим детям спокойного будущего. На дорогах всё чаще появлялись вооружённые отряды, в селениях говорили о новых опасностях, а вести из соседних областей приходили одна тревожнее другой.

Но у каждой страны есть своя повседневная жизнь, которая продолжается даже тогда, когда историки впоследствии называют её эпохой бедствий.

Люди пахали землю, собирали виноград, чинили крыши, растили детей. Женщины выходили к колодцам, мужчины обсуждали цены на зерно, старики вспоминали времена, которые молодым казались почти легендарными.

И над всем этим стояли горы.

В окрестностях Сагурамо утро начиналось с прохладного воздуха, наполненного запахом трав и влажной земли. Солнце появлялось из-за возвышенностей постепенно, словно не спешило нарушать тишину долины. Где-то далеко перекликались пастухи, слышался лай собак, а на склонах медленно двигались стада.

Здесь, в Горисубани, неподалёку от Мцхеты, в 1705 году родился Давид Георгиевич Гурамишвили.

Его семья принадлежала к старинному грузинскому княжескому роду. В доме помнили имена предков, рассказывали о прежних поколениях, говорили о достоинстве, чести и долге перед землёй, которая досталась потомкам не случайно.

Однако маленький Давид ещё ничего не знал о том, насколько тяжёлой может оказаться жизнь человека, родившегося в знатном доме.

Для него мир поначалу ограничивался совсем небольшим пространством: двором, садом, комнатами родительского дома и дорогами, по которым он мог бегать, не опасаясь, что кто-нибудь окликнет его с тревожной вестью.

Однажды утром мальчик стоял у ограды и смотрел на дальние склоны.

Ему было интересно, что находится за ними.

— Давид!

Он обернулся. Отец, Георгий Гурамишвили, стоял у крыльца.

— Ты опять куда-то собрался?

— Я никуда не собрался, отец. Просто смотрю.

— На что?

— На горы.

Отец подошёл к нему и тоже посмотрел вдаль.

— Красивы?

— Очень.

— А знаешь, почему они кажутся такими красивыми?

Давид пожал плечами.

— Потому что далеко?

Георгий усмехнулся.

— Отчасти. Но не только. Человек часто видит красоту яснее, когда не может прикоснуться к ней рукой.

Мальчик задумался.

— А если подняться на гору, она перестанет быть красивой?

— Нет. Просто ты увидишь её с другой стороны.

— Тогда я хочу подняться.

— Когда вырастешь, поднимешься. Только помни: не всякая дорога ведёт туда, куда тебе хочется.

Давид посмотрел на отца.

— А как узнать, какая дорога правильная?

Георгий не ответил сразу. Он положил ладонь сыну на плечо.

— Иногда узнаёшь слишком поздно. Поэтому прежде, чем сделать шаг, старайся понять, ради чего ты его делаешь.

Эти слова мальчик тогда не запомнил. Вернее, они не показались ему особенно важными. В детстве советы взрослых редко воспринимаются как предостережения на всю жизнь.

Но спустя много лет, когда судьба заведёт его далеко от родного дома, он не раз вспомнит этот разговор.

В доме Гурамишвили уважали образование. Книги и церковные тексты не считались ненужной роскошью. Мальчику старались привить уважение к слову, к памяти предков, к вере и к людям, независимо от их достатка.

Давид рос наблюдательным ребёнком. Он мог долго сидеть в стороне, слушая разговоры взрослых, а затем неожиданно задавать вопрос, который заставлял собеседников задуматься.

Однажды за вечерним столом один из родственников рассказывал о событиях, происходивших в стране. Речь зашла о князьях, которые не могли договориться между собой, и о людях, страдавших от их раздоров.

— Если все они грузины, — спросил Давид, — почему же не могут жить мирно?

За столом на мгновение воцарилась тишина.

Один из старших родственников посмотрел на мальчика.

— Потому что одного общего происхождения недостаточно, чтобы люди понимали друг друга.

— А чего тогда не хватает?

— Мудрости. Иногда терпения. Иногда просто доброй воли.

— Но ведь они знают, что из-за их ссор страдают другие?

— Знают, Давид. Только не всегда хотят об этом думать.

Мальчик опустил глаза к тарелке.

Ему было трудно понять, почему взрослые, которые учили детей добру, сами не могли договориться о самом простом.

Возможно, именно тогда в нём впервые возникло чувство, которое позднее станет одним из главных мотивов его поэзии: боль за родину, раздираемую внутренними противоречиями.

Пока же эта боль была ещё неосознанной. Она только зарождалась, соединяясь с детским любопытством и впечатлительностью.

Давид любил слушать рассказы о прошлом. Особенно его привлекали истории о людях, которые не отступали перед опасностью, защищали свой дом, сохраняли верность близким и не теряли достоинства даже в тяжёлых обстоятельствах.

Но больше всего его занимали не подвиги, а судьбы.

Ему хотелось знать, что чувствовал человек перед решающим поступком, боялся ли он, сомневался ли, вспоминал ли мать и думал ли о том, что может больше никогда не увидеть родной дом.

Однажды он спросил у старого слуги, который много лет жил в семье:

— Ты когда-нибудь боялся?

Старик удивился.

— Конечно, господин Давид. А кто не боится?

— А почему тогда говорят, что храбрый человек ничего не боится?

Старик рассмеялся, но в смехе его не было насмешки.

— Это говорят те, кто никогда не видел настоящей опасности. Храбрый человек тоже боится. Просто он не всегда позволяет страху решать за него.

Давид запомнил и эти слова.

Вечерами, когда взрослые расходились по комнатам, он иногда выходил во двор. Небо над Картли было глубоким и прозрачным. Звёзды казались такими близкими, что мальчику хотелось протянуть руку и дотронуться до одной из

них.

Он думал о далёких странах, о людях, которых никогда не видел, о дорогах, уходящих за горы.

Ему ещё предстояло узнать, что такое настоящая разлука, что такое плен, война и жизнь вдали от родины. Он не знал, что однажды будет вспоминать эти вечера с такой тоской, словно они принадлежали не просто прошлому, а другой, навсегда исчезнувшей жизни.

Пока же он был дома.

И это казалось естественным, как восход солнца, как шум реки, как дыхание родных гор.

В один из таких вечеров мать позвала его из дома:

— Давид, уже поздно. Иди сюда.

— Сейчас, мама!

— Ты опять смотришь на звёзды?

— Да.

— И о чём думаешь?

Он немного помолчал.

— О том, что там, за горами.

Мать подошла к нему и поправила ворот его одежды.

— За горами много чего, сынок. Но не забывай то, что находится рядом.

— А что находится рядом?

Она улыбнулась.

— Твой дом. Твоя семья. Твоя земля.

Давид посмотрел на неё.

— А если человек уедет далеко, он всё равно будет помнить дом?

— Если любит его — будет.

Мать взяла сына за руку, и они вошли в дом.

За окном темнело. В саду шелестели листья, где-то вдали продолжала перекликаться ночная птица.

Так проходили первые годы Давида Гурамишвили — в старом грузинском доме, под небом Картли, среди людей, которые ещё не знали, какую долгую дорогу приготовила ему судьба.

Но сама страна уже жила в предчувствии тяжёлых перемен. И однажды детство закончится.

Не потому, что Давид перестанет быть молодым, а потому, что история потребует от него слишком взрослой платы за право оставаться сыном своей родины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Детство среди гор и легенд

Детство Давида Гурамишвили не было похоже на тихую картинку, которую можно повесить на стену и любоваться ею долгими зимними вечерами. Даже в самые спокойные дни над Картли витало ощущение непрочности человеческого благополучия. Взрослые старались не говорить при детях о многих вещах, но дети обладали удивительной способностью слышать то, что от них скрывали.

Давид рано научился замечать перемены в настроении домашних. Иногда отец возвращался с дороги задумчивым и

молчаливым, иногда мать задерживалась у окна, словно ждала кого-то, кто давно должен был появиться. В такие дни в доме становилось тише обычного.

Но стоило тревоге немного отступить, как детство вновь брало своё.

Давид любил бывать за пределами усадьбы. Его манили тропинки, уходившие к склонам, небольшие ручьи, каменные ограды и старые деревья, под которыми, по словам местных жителей, когда-то отдыхали воины. Он мог часами слушать рассказы пастухов и стариков, возвращавшихся из соседних селений.

Один из таких рассказчиков особенно запомнился ему. Это был пожилой крестьянин по имени Бежан, сухощавый, с обветренным лицом и седыми усами. Он знал множество преданий и рассказывал их так, словно сам присутствовал при событиях, случившихся за несколько столетий до его рождения.

Однажды Давид застал его возле каменной ограды.

— Бежан, а правда, что наши предки были такими сильными, что могли одолеть целое войско?

Старик посмотрел на мальчика и усмехнулся.

— Ты опять пришёл за подвигами?

— За правдой.

— Это уже лучше. Только запомни: в каждой легенде есть правда, но не всегда та, которую рассказывают.

Бежан присел на камень и указал рукой на горы.

— Видишь эти склоны? Сколько поколений прошло здесь! Одни строили дома, другие защищали их, третьи уходили в дальние края и больше не возвращались. А горы остались.

— Значит, они помнят всё?

— Может быть, больше, чем люди.

Давид сел рядом.

— Расскажи мне о тех, кто уходил.

Старик некоторое время молчал, затем начал говорить о воинах, покидавших родные места, о семьях, ожидавших возвращения сыновей, о женщинах, которые годами сохраняли в доме вещи погибших мужей. Он рассказывал без громких слов, и оттого его повествования казались особенно правдивыми.

— А если человек никогда не возвращается? — спросил Давид.

— Тогда за него помнят другие.

— А если и они умрут?

Бежан посмотрел на мальчика внимательнее.

— Тогда остаётся память земли. И слово, если найдётся тот, кто сумеет рассказать.

Давид не ответил. Но эти слова почему-то глубоко запали ему в душу.

Вечером он долго не мог уснуть. Ему представлялись люди, уходившие по горным дорогам, их жёны и дети, оставшиеся у порога, и далёкие селения, где никто не знал, вернётся

ли когда-нибудь тот, кого провожали.

Он впервые почувствовал, что история состоит не только из имён царей и победителей. За каждым событием стоят люди, чьи судьбы редко попадают в летописи.

На следующий день он попросил отца показать ему старые книги.

Георгий Гурамишвили удивился такой просьбе.

— Что случилось? Неужели тебе надоели рассказы Бежана?

— Нет, отец. Но он говорит, что слово может сохранить память. Я хочу узнать, как это делается.

Георгий посмотрел на сына с нескрываемым интересом.

— Для начала нужно научиться читать не только буквы, но и смысл написанного.

— А это трудно?

— Иногда труднее, чем научиться владеть мечом.

Отец достал несколько рукописных листов. Давид осторожно принял их, словно ему доверили не бумагу, а нечто гораздо более ценное.

— Здесь рассказы о прошлом нашего народа, — пояснил Георгий. — Но не думай, что всё написанное следует принимать без размышления. Люди могут ошибаться. Иногда они пишут то, что хотят видеть правдой.

— Тогда как узнать настоящую правду?

— Сравнивать свидетельства, спрашивать тех, кто помнит события, и никогда не торопиться с выводами.

Давид кивнул.

В последующие месяцы он всё чаще обращался к книгам. Пока чтение давалось ему нелегко, но он обладал терпением и не стеснялся возвращаться к непонятному месту снова и снова. Его привлекали не только рассказы о царях и войнах, но и старинные стихи, в которых звучали любовь, разлука, верность и тоска.

Особенно сильно на него действовала грузинская речь. Он любил её звучание, её образность, способность одним коротким выражением передать то, для чего в обычном разговоре понадобилось бы несколько предложений.

Однажды он услышал, как мать напевает старую песню.

Она перебирала домашние дела, не замечая, что сын остановился в дверях.

— Мама, спой ещё раз.

— Что именно?

— Ту песню, которую ты сейчас пела.

Она улыбнулась.

— Ты же слышал.

— Но я хочу запомнить.

Мать повторила мелодию. Давид слушал, стараясь уловить каждое слово.

— О чём она? — спросил он, когда песня закончилась.

— О человеке, который далеко от любимых.

— Он вернётся?

Мать опустила глаза.

— В песнях возвращаются не всегда.

Мальчик задумался.

— Тогда почему люди поют такие грустные песни?

— Потому что иногда песня помогает пережить то, о чём невозможно рассказать словами.

Давид вышел во двор. Вечернее небо медленно темнело, и над горами появлялись первые звёзды. Впервые он подумал, что песня может быть не просто развлечением, а способом сохранить человеческую боль.

Годы детства проходили, оставляя в его памяти всё больше впечатлений. Он наблюдал за взрослыми, слушал их разговоры, видел, как меняется жизнь в селениях, и постепенно понимал, что мир гораздо сложнее тех легенд, которыми его окружали в ранние годы.

В доме говорили о Грузии, о её прошлом, о вере и достоинстве. Но всё чаще разговоры переходили на настоящее. Весть о политических событиях могла изменить настроение целого дня. Иногда приезжали люди, которых отец принимал за закрытыми дверями. После таких встреч Георгий становился особенно серьёзным.

Однажды Давид услышал за дверью спор.

— Нельзя бесконечно надеяться, что опасность обойдёт нас стороной, — говорил один из гостей.

— А что ты предлагаешь? — отвечал отец. — Покинуть всё, что нам принадлежит?

— Я предлагаю подумать о будущем детей.

— Именно о нём я и думаю.

Давид отошёл от двери. Ему было неприятно, что взрослые говорили о будущем так, словно оно уже принадлежало кому-то другому.

В тот вечер он спросил отца:

— Почему вы всё время беспокоитесь о том, что будет завтра?

Георгий внимательно посмотрел на сына.

— Потому что завтра не всегда зависит от нас.

— А что зависит?

— То, какими людьми мы останемся, когда наступят трудные времена.

— И этого достаточно?

Отец помолчал.

— Не всегда. Но без этого человек теряет гораздо больше, чем дом или имущество.

Давид задумался.

Он ещё не знал, что однажды ему самому придётся проверять эти слова на собственном опыте. Что будут дни, когда у него не окажется ни дома, ни привычной жизни, ни уверенности в завтрашнем дне. Но даже тогда ему предстоит сохранить нечто, чего нельзя отнять силой.

Память.

И язык, на котором эта память сможет заговорить.

К концу одного из лет Давид снова отправился к каменной ограде, где любил встречаться с Бежаном. Старик сидел на

прежнем месте и чинил ремень.

— Ты давно не приходил, господин Давид.

— Я читал.

— Значит, книги победили горы?

— Нет. Просто я теперь хочу знать больше.

Бежан отложил ремень.

— А что ты собираешься делать со всем тем, что узнаешь?

— Пока не знаю.

— Хорошо. Не спеши. Знание без терпения иногда приносит человеку больше бед, чем незнание.

Давид улыбнулся.

— Ты всегда говоришь загадками.

— Это потому, что прямые ответы редко чему учат.

Солнце медленно опускалось за горы. На склонах вытягивались длинные тени. Давид смотрел вдаль и думал, что мир огромен, а жизнь человека слишком коротка, чтобы успеть увидеть всё.

Ему хотелось узнать, что находится за пределами знакомой Картли. Хотелось путешествовать, читать, встретить людей из других стран, услышать их рассказы. Но в то же время он всё сильнее привязывался к родным местам.

Он ещё не понимал, что эти два желания однажды вступят в жестокое противоречие.

И что дорога, о которой он мечтал, может оказаться совсем не похожей на дорогу, которую выбирает свободный человек.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первые мечты и первые испытания

Юность приходит незаметно. Ещё вчера человек смотрел на мир глазами ребёнка, а сегодня уже начинает замечать, что взрослые не всегда знают ответы на вопросы, которые сами же задают своим детям.

Давид Гурамишвили постепенно выходил из детства. Его всё меньше удовлетворяли рассказы о далёких подвигах и всё сильнее занимали события, происходившие вокруг него. Он хотел понимать, почему одни люди властвуют, другие подчиняются, одни живут в достатке, а другие вынуждены покидать собственные дома.

Семейное поместье в Сагурамо оставалось для него дорогим местом, но прежняя безмятежность уже не возвращалась. Взрослые чаще говорили о безопасности, о положении страны, о тревожных известиях из соседних областей. Порой Давид замечал, что отец подолгу беседует с приезжими, а затем отправляет слуг выполнять какие-то распоряжения.

Однажды вечером Георгий позвал сына к себе.

— Давид, сколько тебе теперь лет?

— Скоро восемнадцать, отец.

— Значит, ты уже не мальчик.

— Я и сам это понимаю.

— Понимать мало. Теперь тебе придётся учиться отвечать за собственные поступки.

Давид внимательно посмотрел на отца.

— Ты хочешь, чтобы я занялся хозяйством?

— И этим тоже. Но я говорю не только о хозяйстве. Ты живёшь в стране, где человеку твоего происхождения недостаточно заботиться лишь о собственном доме.

— А о чём ещё?

— О людях, которые живут рядом. О земле, на которой стоят наши дома. О том, что останется после нас.

Георгий подошёл к окну. За ним темнел сад.

— Когда-то я думал, что смогу передать тебе спокойную жизнь. Чтобы ты продолжил наше дело, создал семью, растил детей и не знал тех тревог, которые довелось пережить старшим поколениям.

— Разве это невозможно?

Отец повернулся к нему.

— Я не знаю, Давид. И именно это меня беспокоит.

В этих словах не было привычного отцовского наставления. Давид впервые услышал в голосе Георгия тревогу человека, который не мог защитить от будущего даже собственную семью.

Он хотел что-то ответить, но не нашёл подходящих слов.

В последующие дни Давид всё чаще бывал среди людей, которые обсуждали положение Картли. Он слушал разговоры о царе Вахтанге VI, о борьбе за власть, о внешних угрозах и о надеждах, которые многие связывали с помощью извне.

Вахтанг VI был для грузинских образованных людей не просто властителем. С его именем связывали надежды на

укрепление государства, развитие просвещения и упорядочение жизни страны. Давид ещё не мог оценить масштаб его деятельности, но уже понимал, что судьба царя и судьба Картли тесно переплетены.

Ему хотелось увидеть людей, которые принимали решения, от которых зависела жизнь целых областей.

Однако пока его собственный мир оставался гораздо ближе: семья, знакомые селения, дороги, по которым он ездил с отцом, и люди, чьи лица он знал с детства.

Среди этих людей была и молодая женщина, с которой судьба Давида уже начинала связываться семейными узами. О подробностях их первых встреч история сохранила немного надёжных сведений, и потому не стоит приписывать им вымышленные признания или приписывать конкретным людям слова, которых никто не записал.

Но одно можно представить с уверенностью: в те годы Давид был не только представителем старинного рода и молодым человеком, наблюдавшим за тревогами страны. Он был человеком, которому хотелось обычного человеческого счастья.

Ему хотелось иметь свой дом, слышать по вечерам знакомый голос, возвращаться после долгой дороги и знать, что его ждут.

Возможно, именно поэтому происходящее вокруг воспринималось им особенно болезненно. Он начинал понимать, что будущее, которое ещё недавно казалось вполне

естественным, может оказаться недостижимым.

Однажды он отправился в дорогу вместе с людьми, сопровождавшими отца. По пути им встретились крестьяне, перевозившие нехитрый домашний скарб. На одной из повозок сидела женщина с маленьким ребёнком. Рядом шёл мужчина, придерживая рукой усталую лошадь.

Давид остановил коня.

— Куда направляетесь?

Мужчина посмотрел на него с недоверием.

— Туда, где безопаснее.

— Что случилось?

— Разве вы не слышали? В соседних местах опять неспокойно. Люди боятся оставаться в домах.

— Но вы оставляете всё хозяйство?

— А что нам делать? Ждать, пока за нами придут?

Женщина на повозке прижала ребёнка к себе. Малыш проснулся и заплакал.

Давид достал из дорожной сумки небольшой кусок хлеба и протянул мужчине.

— Возьмите.

Тот нерешительно принял угощение.

— Спасибо, господин.

— Не благодарите. Лучше скажите, есть ли у вас куда ехать?

— Пока нет. Найдём место, где примут.

Давид некоторое время смотрел им вслед. Он видел, как

медленно удалялась повозка, как женщина придерживала ребёнка, чтобы тот не упал на неровной дороге.

— Почему они должны уходить из собственного дома? — спросил он у сопровождавшего его человека.

— Потому что иногда у человека не остаётся выбора.

— Но ведь это их земля.

— Земля останется. Вопрос в том, останутся ли на ней люди.

Эта встреча не была большим историческим событием. Её имена не попали в летописи, и никто не посвятил ей песен. Но Давид запомнил её. Впоследствии именно такие картины — не только сражения и поражения, но и человеческие бедствия — будут жить в его стихах.

Он ещё не знал, что однажды сам окажется среди тех, кому придётся искать спасения на чужой земле.

Вернувшись домой, Давид долго не мог успокоиться.

Он вышел в сад и остановился возле старого дерева. Когда-то здесь он слушал рассказы Бежана о людях, которые уходили и не возвращались. Теперь эти рассказы перестали казаться ему далёкими легендами.

Он впервые ощутил, что чужая беда может однажды стать собственной.

В тот вечер отец заметил его задумчивость.

— Что с тобой?

— Сегодня встретил людей, покидающих свои дома.

— Такое случается.

— Но почему мы ничего не можем сделать?

Георгий тяжело вздохнул.

— Иногда мы можем помочь отдельному человеку. Иногда — защитить семью. Но есть бедствия, которые превосходят возможности одного человека.

— Значит, нужно искать тех, кто способен изменить положение?

— Нужно. Только не всякий, кто обещает защиту, действительно способен её дать.

Давид замолчал.

Ему хотелось верить, что у страны есть будущее. Что найдутся люди, которые сумеют прекратить раздоры и вернуть жителям спокойствие. Он ещё не понимал, насколько тяжело бывает государству, раздираемому внутренними противоречиями и давлением могущественных соседей.

Но уже чувствовал: его собственная жизнь не сможет пройти в стороне от судьбы Грузии.

И, быть может, именно тогда в нём зародилось то особенное сочетание чувств, которое впоследствии станет основой его поэзии: любовь к родной земле, сострадание к простому человеку и горькое сознание того, как мало порой зависит от человеческой воли.

Впереди его ожидали события, которые не оставят места юношеским мечтам о спокойной жизни.

История уже приближалась к порогу его дома.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Время, когда рушились царства

Грузия XVIII века жила на перекрёстке интересов больших держав. Её географическое положение, древняя государственность и внутренние раздоры делали страну одновременно желанной добычей и ареной постоянной борьбы.

Для человека, жившего в Картли, политика редко оставалась отвлечённым занятием. Она приходила в дом вместе с вооружёнными людьми, неожиданными распоряжениями, новыми поборами и тревожными известиями. Она могла заставить семью оставить родное селение, а вчерашнего соседа превратить в опасного противника.

Вахтанг VI пытался укрепить страну, опираясь на просвещение, государственные преобразования и дипломатические связи. Но положение Картли было крайне тяжёлым. Персидское влияние, османские притязания, набеги с Северного Кавказа и соперничество местных политических сил постепенно сужали пространство для самостоятельных решений.

Особенно тяжёлым испытанием стали события 1722–1723 годов.

Надежды, связанные с российским походом в Персию, не оправдались так, как рассчитывали грузинские сторонники сближения с Россией. Вахтанг VI оказался в сложнейшем положении. Вскоре Картли пережила смену власти и османское вторжение.

Для жителей страны всё это означало одно: прежний по-

рядок рушился, а новый ещё не успел установиться.

Давид Гурамишвили был уже достаточно взрослым, чтобы понимать происходящее. Ему не нужно было объяснять, почему отец стал чаще советоваться с родственниками, почему некоторые знакомые исчезали из селения и почему люди всё реже говорили о будущем с прежней уверенностью.

Однажды к дому подъехал всадник. Он был покрыт дорожной пылью, лошадь тяжело дышала.

Георгий вышел навстречу.

— Откуда?

— Из Картли. Новости плохие.

— Что произошло?

Всадник оглянулся, словно опасался, что его услышат посторонние.

— Положение царя стало безвыходным. Люди растеряны. Одни ждут персов, другие надеются на турок, третьи говорят о России. Но никто не знает, что будет завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.